

**Тема любви и семьи в отрывке «Свидание с сыном»
из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»**

Знакомы ли вы с сюжетом романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»? Какой «любовный треугольник» составляет основную интригу романа? Почему так трагически заканчивается судьба Анны?

Прочитайте отрывок из романа Л. Толстого «Анна Каренина». Объясните значение выделенных слов, обращаясь к словарю.

ЧИТАЕМ И ПОНИМАЕМ

Анна Каренина
Свидание с сыном

Одна из целей поездки в Россию для Анны было свидание с сыном. С того дня, как она выехала из Италии, мысль об этом свидании не переставала волновать её. И чем ближе она подъезжала к Петербургу, тем радость и значительность этого свидания представлялись ей больше и больше. Она и не задавала себе вопроса о том, как устроить это свидание. Ей казалось натурально и просто видеть сына, когда она будет в одном с ним городе; но по приезде в Петербург ей вдруг представилось ясно её теперешнее положение в обществе, и она поняла, что устроить свидание было трудно.

Она уж два дня жила в Петербурге. Мысль о сыне ни на минуту не покидала её, но она ещё не видала сына. Узнав о близких отношениях Алексея Александровича к графине Лидии Ивановне, Анна на третий день решила написать ей стоившее ей большого труда письмо, в котором она **умышленно** говорила, что разрешение видеть сына должно зависеть от **великодушия** мужа. Она знала, что, если письмо покажут мужу, он, продолжая свою роль великодушия, не откажет ей.

Слуга, носивший письмо, передал ей самый жестокий и неожиданный ею ответ, что ответа не будет. Она никогда не чувствовала себя столь униженной, как в ту минуту, когда услышала подробный рассказ о том, как слуга дождался и как потом ему сказали: «Ответа никакого не будет». Анна чувствовала себя униженной, оскорблённой, но она видела, что с своей точки зрения графиня Лидия Ивановна права. Горе её было тем сильнее, что оно было одиноко. Она не могла и не хотела поделиться им с Вронским. Она знала, что для него, несмотря на то, что он был главною причиной её несчастья, вопрос о свидании её с сыном покажется самою неважною вещью. Она знала, что никогда он **не будет в силах** понять всей глубины её страдания; она знала, что за его холодный тон при упоминании об этом она возненавидит его. И она боялась этого больше всего на свете и потому скрывала от него все, что касалось сына.

Просидев дома целый день, она придумывала средства для свидания с сыном и остановилась на решении написать мужу. Она уже сочиняла это письмо, когда ей принесли письмо Лидии Ивановны. Молчание графини **смирило** и покорило её, но письмо, всё то, что она прочла между его строками, так раздражило её, так ей возмутительно показалась эта злоба в сравнении с её страстною законною нежностью к сыну, что она возмутилась против других и перестала обвинять себя.

«Эта холодность – притворство чувства! – говорила она себе. – Им нужно только оскорбить меня и измучить ребёнка, а я стану покоряться им! Ни за что! Она хуже меня. Я не лгу по крайней мере». И тут же она решила, что завтра же, в самый день рождения Серёжи, она поедет прямо в дом к мужу, подкупит людей, будет обманывать, но **во что бы то ни стало** увидит сына и разрушит этот безобразный обман, которым они окружили несчастного ребёнка.

Она поехала в игрушечную **лавку**, накупила игрушек и обдумала план действий. Она придет рано утром, в восемь часов, когда Алексей Александрович ещё, верно, не вставал. Она будет иметь в руках деньги, которые даст **швейцару** и **лакею**, с тем чтоб они пустили её, и, не поднимая **вуаля**, скажет, что она от **крёстного отца** Серёжи приехала поздравить и что ей поручено поставить игрушки у кровати. Она не приготовила только тех слов, которые она скажет сыну. Сколько она ни думала об этом, она ничего не могла придумать.

На другой день, в восемь часов утра, Анна вышла одна из **кареты** и позвонила у большого подъезда своего бывшего дома.

– Поди посмотри, чего надо. Какая-то барыня, – сказал Капитоныч, ещё не одетый, в пальто и **калошах**, выглянув в окно на даму, покрытую вуалем, стоявшую у самой двери.

Словарь

умышленно – намеренно, специально
великодушие – черта характера, которая выражается в бескорыстной уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства, в способности жертвовать своими интересами
быть в силах – быть в состоянии, мочь
смирить – *книжн.* сделать тихим, спокойным, покорным
во что бы то ни стало – любым способом, любыми средствами, непременно
лавка – *в знач.*: небольшой магазин
швейцар – привратник, сторож при наружных дверях дома
лакей – домашний слуга
вуаль (*в соврем. языке – суи. ж.р.*) – тонкая ткань, скрывающая лицо
крёстный отец – восприемник крестимого человека. **Крещение** – одно из христианских таинств (обрядов), приобщение к членам церкви
карёта – закрытый экипаж на четырёх колесах
калоши – обувь, чаще всего резиновая, надеваемая поверх сапог для предохранения ног от сырости и грязи
мүфта – *в знач.*: принадлежность женского туалета в виде открытого с двух сторон мешочка, обычно из меха, для согревания рук

Помощник швейцара, незнакомый Анне молодой малый, только что отворил ей дверь, как она уже вошла в неё и, вынув из **муфты** трёхрублевую бумажку, поспешно сунула ему в руку.

– Серёжа... Сергей Алексеич, — проговорила она и пошла было вперёд. Осмотрев бумажку, помощник швейцара остановил её у другой стеклянной двери.

– Вам кого надо? – спросил он.

Она не слышала его слов и ничего не отвечала.

Заметив **замешательство** неизвестной, сам Капитоныч вышел к ней, пропустил в двери и спросил, что ей угодно.

– От князя Скородумова к Сергею Алексеичу, — проговорила она.

– Они не встали ещё, — внимательно приглядываясь к ней, сказал швейцар.

Анна никак не ожидала, чтобы та, совершенно не изменившаяся, обстановка передней того дома, где она жила девять лет, так сильно подействовала на неё. Одно за другим, воспоминания, радостные и мучительные, поднялись в её душе, и она на мгновение забыла, зачем она здесь.

– Подождать **изволите**? – сказал Капитоныч, снимая с неё шубку.

Сняв шубку, Капитоныч заглянул ей в лицо, узнал её и молча низко поклонился ей.

– Пожалуйста, ваше превосходительство, — сказал он ей.

Она хотела что-то сказать, но голос отказался произнести какие-нибудь звуки; с виноватою мольбой взглянув на старика, она быстрыми лёгкими шагами пошла на лестницу. Перегнувшись весь вперёд и цепляясь калошами о ступени, Капитоныч бежал за ней, стараясь перегнать её.

– Учитель там, может, раздет. **Я доложу**.

Анна продолжала идти по знакомой лестнице, не понимая того, что говорил старик.

– Сюда, налево пожалуйста. Извините, что нечисто. Они теперь в прежней диванной, — **отпыхиваясь**, говорил швейцар. — Позвольте повременить, ваше превосходительство, я загляну, — говорил он и, обогнав её, приотворил высокую дверь и скрылся за нею. Анна остановилась, ожидая. — Только проснулись, — сказал швейцар, опять выходя из двери.

И в ту минуту, как швейцар говорил это, Анна услышала звук детского зеванья. По одному голосу этого **зеванья** она узнала сына и как живого увидала его пред собою.

– Пусти, пусти, поди! — заговорила она и вошла в высокую дверь. Направо от двери стояла кровать, и на кровати сидел, поднявшись, мальчик в одной расстёгнутой рубашечке и, перегнувшись тельцем, потягиваясь, доканчивал зевок. В ту минуту, как губы его сходились вместе, они сложились в блаженно-сонную улыбку, и с этой улыбкой он опять медленно и сладко **повалился** назад.

– Серёжа! — прошептала она, неслышно подходя к нему.

Во время разлуки с ним и при том приливе любви, который она испытывала всё это последнее время, она воображала его четырёхлетним мальчиком, каким она больше всего любила его. Теперь он был даже не таким, как она оставила его; он ещё дальше стал от четырёхлетнего, ещё вырос и похудел. Что это! Как худо его лицо, как коротки его волосы! Как длинны руки! Как изменился он с тех пор, как она оставила его! Но это был он, с его формой головы, его губами, его мягкою шейкой и широкими плечиками.

– Серёжа! — повторила она над самым ухом ребёнка.

Он поднялся опять на локоть, поводил спутанною головой на обе стороны, как бы отыскивая что-то, и открыл глаза. Тихо и вопросительно он поглядел несколько секунд на неподвижно стоявшую пред ним мать, потом вдруг блаженно улыбнулся и, опять закрыв слипающиеся глаза, повалился, но не назад, а к ней, к её рукам.

– Серёжа! Мальчик мой милый! — проговорила она, задыхаясь и обнимая руками его **пухлое** тело.

– Мама! — проговорил он, двигаясь под её руками, чтобы разными местами тела касаться её рук.

Сонно улыбаясь, всё с закрытыми глазами, он перехватился пухлыми ручонками от спинки кровати за её плечи, привалился к ней, обдавая её тем милым сонным запахом и теплотой, которые бывают только у детей, и стал тереться лицом об её шею и плечи.

– Я знал, — открывая глаза, сказал он. — Нынче моё рождение. Я знал, что ты придёшь. Я встану сейчас.

И, говоря это, он засыпал.

Анна жадно оглядывала его; она видела, как он вырос и переменялся в её отсутствие. Она узнавала и не узнавала его голые, такие большие теперь, ноги, **выпроставшиеся** из одеяла, узнавала эти похуделые щёки, эти обрезанные короткие завитки волос на затылке, в который она так часто целовала его. Она ощупывала всё это и не могла ничего говорить; слёзы душили её.

– О чём же ты плачешь, мама? — сказал он, совершенно проснувшись. — Мама, о чём ты плачешь? — прокричал он плаксивым голосом.

Словарь

замешательство — неловкость, смущение, растерянность
изво́лнить — *устар.* хотеть, желать
доло́жить — *в знач.:* известить о приходе посетителя
отпыхиваться — пытаться отдышаться
зевáнье — действие от глагола «зевать»
повалиться — упасть вниз
пу́хлый — округло-мягкий, пышный
вы́простаться — *прост.* освободиться
оправиться — *в знач.:* прийти в себя

– Я? не буду плакать... Я плачу от радости. Я так давно не видела тебя. Я не буду, не буду, – сказала она, глотая слёзы и отворачиваясь. – Ну, тебе одеваться теперь, – **оправившись**, прибавила она, помолчав, и, не выпуская его руки, села у его кровати на стул, на котором было приготовлено платье.

– Как ты одеваешься без меня? Как... – хотела она начать говорить просто и весело, но не могла и опять отвернулась.

– Я не моюсь холодной водой, папа не велел. А Василия Лукича ты не видала? Он придёт. А ты села на моё платье! – и Серёжа расхохотался.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

– Мама, душечка, голубушка! – закричал он, бросаясь опять к ней и обнимая её. Как будто он теперь только, увидав её улыбку, ясно понял, что случилось. – Это не надо, – говорил он, снимая с неё шляпу. И, как будто вновь увидав её без шляпы, он опять бросился целовать её.

– Но что же ты думал обо мне? Ты не думал, что я умерла?

– Никогда не верил.

– Не верил, друг мой?

– Я знал, я знал! – говорил он свою любимую фразу и, схватив за руку, которая ласкала его волосы, стал прижимать её ладонью к своему рту и целовать её.<...>

Василий Лукич между тем, не понимавший сначала, кто была эта дама, и узнав из разговора, что это была та самая мать, которая бросила мужа и которую он не знал, так как поступил в дом уже после неё, был в сомнении, войти ли ему, или нет, или сообщить Алексею Александровичу. Сообразив наконец то, что его обязанность состоит в том, чтобы поднимать Серёжу в определённый час и что поэтому ему нечего разбирать, кто там сидит, мать или другой кто, а нужно исполнять свою обязанность, он оделся, подошёл к двери и **отворил** её.

Но ласки матери и сына, звуки их голосов и то, что они говорили, – всё это заставило его изменить намерение. Он покачал головой и, вздохнув, затворил дверь. «Подожду ещё десять минут», – сказал он себе, откашливаясь и утирая слёзы.<...>

Когда няня вошла в детскую, Серёжа рассказывал матери о том, как они упали вместе с Наденькой, покотившись с горы, и три раза **перекувырнулись**. Она слушала звуки его голоса, видела его лицо и игру выражения, ощущала его руку, но не понимала того, что он говорил. Надо было уходить, надо было оставить его, – только одно это и думала и чувствовала она. Она слышала и шаги Василия Лукича, подходившего к двери и кашлявшего, слышала и шаги подходившей няни; но сидела, как окаменелая, не в силах ни начать говорить, ни встать.<...>

Серёжа, сияя глазами и улыбкой и держась одною рукой за мать, другою за няню, топтал по ковру жирными голыми ножками. Нежность любимой няни к матери приводила его в восхищение.

– Мама! Она часто ходит ко мне, и когда придёт... – начал было он, но остановился, заметив, что няня шёпотом что-то сказала матери и что на лице матери выразился **испуг** и что-то похожее на стыд, что так **не шло** к матери.

Она подошла к нему.

– Милый мой! – сказала она.

Она не могла сказать прощай, но выражение её лица сказалось это, и он понял. – Милый, милый Кутик! – проговорила она имя, которым звала его маленьким, – ты не забудешь меня? Ты... – но больше она не могла говорить.

Сколько потом она придумывала слов, которые она могла сказать ему! А теперь она ничего не умела и не могла сказать. Но Серёжа понял всё, что она хотела сказать ему. Он понял, что она была несчастлива и любила его. Он понял даже то, что шёпотом говорила няня. Он слышал слова: «Всегда в девятом часу», и он понял, что это говорилось про отца и что матери с отцом нельзя встречаться. Это он понимал, но одного он не мог понять: почему на её лице показались испуг и стыд?.. Она не виновата, а боится его и стыдится чего-то. Он хотел сделать вопрос, который разъяснил бы ему это сомнение, но не смел этого сделать: он видел, что она страдает, и ему было жаль её. Он молча прижался к ней и шёпотом сказал:

– Ещё не уходи. Он не скоро придёт.

Мать отстранила его от себя, чтобы понять, то ли он думает, что говорит, и в испуганном выражении его лица она прочла, что он не только говорил об отце, но как бы спрашивал её, как ему надо об отце думать.

– Серёжа, друг мой, – сказала она, – люби его, он лучше и добрее меня, и я пред ним виновата. Когда ты вырастешь, ты рассудишь.

– Лучше тебя нет!.. – с отчаянием закричал он сквозь слёзы и, схватив её за плечи, изо всех сил стал прижимать её к себе дрожащими от напряжения руками.

– Душечка, маленький мой! – проговорила Анна и заплакала так же слабо, по-детски, как плакал он.

Словарь

отворить – открыть

перекувырнуться – *разг.* перевернуться, перевернуться через голову

испуг – страх

идти – *в знач.*: подходить, хорошо выглядеть, быть к лицу

зарыдать – горько заплакать

отвращение – резкая неприязнь, соединённая с брезгливостью, гадливостью

В это время дверь отворилась, вошёл Василий Лукич. У другой двери слышались шаги, и няня испуганным шёпотом сказала:

– Идёт, – и подала шляпу Анне.

Серёжа опустился в постель и **зарыдал**, закрыв лицо руками. Анна отняла эти руки, ещё раз поцеловала его мокрое лицо и быстрыми шагами вышла в дверь. Алексей Александрович шёл ей навстречу. Увидав её, он остановился и наклонил голову.

Несмотря на то, что она только что говорила, что он лучше и добрее её, при быстром взгляде, который она бросила на него, охватив всю его фигуру со всеми подробностями, чувства **отвращения** и злобы к нему и зависти за сына охватили её. Она быстрым движением опустила вуаль и, прибавив шагу, почти выбежала из комнаты.

Она не успела и вынуть и так и привезла домой те игрушки, которые она с такой любовью и грустью выбирала вчера в лавке.

Вопросы

Вопрос 1. Почему свидание с сыном было «трудно устроить»?

Вопрос 2. Почему Анна не рассказывала Вронскому о своих переживаниях, связанных с Серёжей?

Вопрос 3. Что чувствует Анна, попав в дом Каренина?

Вопрос 4. Охарактеризуйте образ Серёжи. Сколько лет мальчику? Внимательный ли он сын? Понимает ли он чувства Анны, её состояние? Поддерживает ли, старается ли помочь? Обвиняет ли Серёжа Анну в происходящем? Подтвердите цитатами из текста.